Изданіе Товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).
Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

М. Леклеркъ.

ВОСПИТАНІЕ И ОБЩЕСТВО

ВЪ АНГЛІИ

Переводъ М. А. Шлиманевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва „НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА“ Невскій, 142.
1899.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Воспитаніе среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1889 году, по конкурсу, открытому при школѣ политическихъ наукъ, Максъ Леклеркъ, бывшій воспитанникъ этой школы, былъ отправленъ въ Англію съ порученіемъ произвести изслѣдованіе, сущность котораго можно резюмировать такъ:

Гдѣ обучаются и какъ формируются по ту сторону Ла-Манша высшіе и средніе классы? Гдѣ страна набираетъ своихъ парламентскихъ дѣятелей и своихъ дипломатовъ? Откуда беретъ администрація своихъ чиновниковъ, армія и флотъ—офицеровъ, промышленность—техниковъ-руководителей, торговля—своихъ агентовъ, философія—такихъ глубокихъ мыслителей, литература, исторія и наука — такую массу оригинальныхъ талантовъ? Какими средствами подготовки располагаетъ этотъ цвѣтъ націи, эти отборные, неутомимые работники—созидатели національнаго величія, которыхъ мы встрѣчаемъ на всѣхъ точкахъ земного шара, всегда въ достаточномъ количествѣ, всегда во всеоружіи своихъ знаній, всегда на высотѣ своихъ, столь разнообразныхъ, задачъ? Чѣмъ обязаны они семьѣ и національному духу, школѣ и педагогамъ? Что сдѣлали для нихъ государство и законъ?

Данныя для рѣшенія этого вопроса, такъ сказать, разсѣяны во всѣхъ слояхъ англійскаго общества. Нужна необыкновенная любознательность, необыкновенная острота зрѣнія и твердость руки, чтобы различить и выхватить эти данныя изъ массы другихъ,—рѣдкая законченность замысла, чтобы не затеряться въ поискахъ, — строгій методъ въ способахъ изслѣдованія, чтобы изъ такого множества фактовъ и идей выдѣлить двѣ или три главныя, руководящія идеи: мало того, наблюдатель долженъ умѣть перенестись въ чужую жизнь, умѣть въ нѣкоторомъ родѣ

Примѣчаніе. Для удобства читателей, всѣ данныя о финансовой сторонѣ дѣла переведены въ книгѣ на русскія деньги, по слѣдующему разсчету: 1 франкъ=37,5 коп.; 1 фунтъ стерлинговъ—945,75 коп. (Ред.).

раздвоиться, пассивно проникнуться средой, которую онъ хочетъ понять, такъ, чтобы въ немъ создалось второе *я*, которое жило-бы своей особой жизнью, имѣло-бы свои дни и часы, когда другое *я* не могло-бы вторгаться въ его новый міръ.

Великія моральныя силы, служащія источникомъ всякаго движенія, всякаго, сколько нибудь значительнаго, умственнаго теченія въ обществѣ, могутъ быть изслѣдованы только такимъ человѣкомъ, который сумѣлъ съ самаго начала такъ хорошо ихъ усвоить и направить, что все его существо прониклось ими, что онѣ живутъ въ его душѣ, кипятъ и бродятъ въ ней, какъ въ своемъ природномъ руслѣ.

Макъ Леклеркъ не поблагодарилъ-бы меня, если бы я сказалъ, что онъ обладаетъ всѣми этими высокими дарами въ равной и исключительной степени. Но если я скажу, что онъ настолько не былъ чуждъ каждаго изъ нихъ, чтобы написать солидную, глубоко продуманную и убѣдительную книгу,—я скажу только правду. Онъ сумѣлъ вѣрно установить свои наблюдательные пункты, онъ хорошо выбралъ свои примѣры, правильно велъ изслѣдованіе, и если, при разработкѣ той огромной груды матеріаловъ, которая была у него въ рукахъ, общія очертанія плана оказались лишь слабо намѣченными, то во всякомъ случаѣ глубокія и вѣрныя мысли, составляющія сущность его выводовъ, остаются налицо. А это главное: только о такомъ трудѣ и можно сказать, что онъ хорошо сдѣланъ, именно сдѣланъ, а не отдѣланъ. Но что всего дороже въ Максѣ Леклеркѣ, такъ это та умственная гибкость и та способность сочувствія, способность отрѣшаться отъ себя или, вѣрнѣе, допускать въ себя другую, живую и чувствующую личность и сживаться съ нею,—безъ которыхъ цивилизація другого народа всегда останется намъ чуждой, безъ которыхъ ея не пойметъ самый кропотливый изслѣдователь.

Порядокъ изложенія, которому слѣдовалъ Макъ Леклеркъ, объясняется принятымъ имъ методомъ наблюденія. Онъ начинаетъ съ того, что беретъ ребенка въ семьѣ; затѣмъ, прежде чѣмъ перейти вмѣстѣ съ нимъ изъ семьи въ школу, онъ разсматриваетъ, какъ понимаютъ родители воспитаніе и образованіе, какое воспитаніе они считаютъ желательнымъ для своихъ сыновей. Семейный идеалъ воспитанія послужилъ въ Англіи руководящимъ правиломъ для всей педагогики. Наши сосѣди были счастливѣе: у нихъ государство въ теченіе многихъ лѣтъ не вмѣшивалось въ дѣло общественнаго образованія, и потому школамъ не навязывалось сверху никакихъ искусственныхъ педагогическихъ системъ, онѣ не были пріу-

рочены ни къ какому единообразному типу. Такимъ образомъ, у англійской школы не было причинъ разрывать съ воззрѣніями и инстинктивными тяготѣніями семьи; она являлась для ребенка какъ-бы продолженіемъ его домашней жизни, и если, при случаѣ, заимствовалась отъ семьи самыми узкими предразсудками, зато та-же семья передала ей свой бодрый духъ, свои здоровыя привычки, практическій, исполненный энергіи и силы взглядъ на жизнь. Макъ Леклеркъ встрѣтилъ этотъ взглядъ въ большинствѣ большихъ англійскихъ школъ и утверждаетъ, что онъ оказываетъ самое благодѣтельное дѣйствіе, съ избыткомъ возмѣщающее даже худшіе недочеты школьныхъ программъ. Леклеркъ посѣтилъ учебныя заведенія всѣхъ типовъ, ибо такъ называемыя *endowed schools* *), которыхъ въ Англіи больше, чѣмъ у насъ лицеевъ и коллежей, настолько-же несходны между собой, насколько наши единообразны. И, по его словамъ, во всѣхъ этихъ школахъ воспитаніе ставитъ себѣ одну и ту-же двоякую цѣль: ребенка надо воспитывать такъ, чтобы онъ былъ, во-первыхъ, по выраженію Спенсера, «хорошимъ животнымъ», т. е. имѣлъ-бы здоровое, крѣпкое и выносливое тѣло и во-вторыхъ, чтобы онъ былъ «личностью», т. е. имѣлъ-бы волю и характеръ, умѣлъ самъ рѣшать за себя, упорствовать въ своихъ рѣшеніяхъ, настойчиво проводить ихъ въ жизнь и находить въ этомъ своего рода гордое счастье. Нетрудно видѣть, какіе результаты обусловливаетъ собою эта двоякая цѣль: довольно много времени отдается физическимъ упражненіямъ и, слѣдовательно, часть времени отнимается отъ сидячей работы; умѣренная дисциплина предоставляетъ многое на личную отвѣтственность ребенка, обращаясь къ чувству «самоуваженія»; вслѣдствіе этого ребенокъ подвергается нѣкоторымъ опасностямъ: вывихнутая рука, выбитый глазъ — довольно обыкновенныя явленія при тѣхъ шумныхъ общихъ играхъ, которыя такъ любятъ англичане; изрѣдка встрѣчаются случаи ранней испорченности; но все это вознаграждается сторицей тѣмъ среднимъ избыткомъ физической и нравственной энергіи, который составляетъ общую черту всего этого цвѣта молодежи, ея способностью приспособляться ко всему непредвидѣнному, что можетъ ей встрѣтиться въ жизни, и глубоко укоренившимся въ ней сознаніемъ своей обязанности блюсти достоинство джентльмена. Эту непрестанную заботу о томъ,

*) Школы, обезпеченныя вкладами и другими пожертвованіями. Въ послѣдующемъ изложеніи мы вездѣ будемъ называть такія школы терминомъ «благотворительныя» (Ред.).

чтобы ребенка «готовить для жизни», благодаря которой во всѣхъ поступкахъ англійскаго мальчика очень рано сказывается *человѣкъ*, Макъ Леклеркъ искусно сопоставляетъ съ той боязливой опекой, съ тѣмъ «любящимъ шпіонствомъ», по милости котораго у насъ во взрослом человѣкѣ навсегда остается что-то ребяческое. Недаромъ Гизо писалъ своей матери въ Валь-Ришэ, гдѣ она оставалась съ своими маленькими дѣтьми: «Будь съ ними поменьше: *«почаще оставляй ихъ однихъ»*. Онъ боялся за дѣтей,—боялся для нихъ этой постоянной возможности обращаться къ взрослому лицу за разрѣшеніемъ ихъ дѣтскихъ сомнѣній, за указаніемъ, какъ имъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, за защитой противъ несправедливости, за выборомъ своихъ забавъ.

Высокое достоинство воспитанія проявляетъ себя въ англійскихъ школахъ тѣмъ, повсемѣстно соблюдаемымъ, правиломъ, что «руководить дѣтьми можетъ только тотъ, кто ихъ учитъ». Преподаватель, въ тѣсномъ значеніи этого слова, въ Англіи лицо неизвѣстное; тамъ не допускаютъ, чтобы человѣкъ, съ которымъ ребенокъ проводитъ большую часть своего времени, подъ надзоромъ котораго онъ работаетъ, не совмѣщалъ въ себѣ всѣхъ качествъ хорошаго педагога, всей той высокой культуры, какая требуется отъ преподавателя. Учителей замѣняютъ иногда туторы (*tutors*), которые принимаютъ къ себѣ въ домъ на полное содержаніе отъ тридцати до сорока человѣкъ дѣтей, иногда завѣдывающіе отдѣленіями при школѣ, имѣющіе въ своемъ распоряженіи отдѣльный павильонъ на такое-же приблизительно число воспитанниковъ, гдѣ они спятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Какъ туторъ, такъ и завѣдывающій отдѣленіемъ въ то-же время непремѣнно и преподаватель; онъ ведетъ свой классъ или свой курсъ преподаванія, а по окончаніи уроковъ возвращается къ своимъ обязанностямъ руководителя занятіями своихъ питомцевъ, ихъ любящаго и почитаемаго совѣтника и друга. Какъ примѣръ примѣненія того-же правила въ школахъ для приходящихъ, Леклеркъ приводитъ одну школу, гдѣ воспитанникъ можетъ быть принятъ не иначе, какъ заручившись согласіемъ одного изъ наставниковъ, который будетъ слѣдить за его ученьемъ и успѣхами (*consulting master*). Такимъ же превосходнымъ учрежденіемъ, несмотря на нѣкоторыя злоупотребленія, которыя, впрочемъ, постепенно исчезаютъ, является и институтъ мониторовъ или *prefect*'овъ. Мониторы — это если не самые сильные въ наукахъ, то во всякомъ случаѣ самые уважаемые изъ учениковъ старшихъ классовъ. Завѣдывающій

отдѣленіемъ даетъ имъ извѣстную власть и возлагаетъ на нихъ отвѣтственность, вызывающія къ дѣятельности самыя похвальныя чувства. Неослабная и всѣми признаваемая дисциплина есть секретъ гармоничной общественной жизни, плодотворной экономической и политической дѣятельности: англичане хотятъ, чтобы еще до выхода изъ школы молодые люди, послѣ того какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они учились повиноваться, научились и повелѣвать.

Послѣ воспитанія — образованіе. Максъ Леклеркъ говоритъ, что по изслѣдованіямъ 1861 и 1865 годовъ состояніе англійскихъ школъ середины нашего вѣка представляетъ довольно печальную картину. Университеты и большія публичныя школы, служащія къ нимъ преддверіемъ, были доступны только для немногихъ избранныхъ, т. е. для очень богатыхъ людей. Образованіе было почти исключительно классическое, ограниченное изученіемъ древнихъ языковъ. Не преподавалось ни національной литературы, ни исторіи («эта отрасль знаній не укладывается въ рамки систематическихъ уроковъ»), ни географіи («наши ученики научатся ей, странствуя по свѣту»).—Фразы, стоящія въ ковычкахъ, довелось слышать самому Максу Леклерку и онѣ свидѣтельствуютъ о живучести традиціоннаго духа.—На высшей ступени, т. е. въ университетѣ, —богословіе, право, немножко медицины. Въ Кембриджѣ довольно солидное математическое образованіе. О другихъ наукахъ еще только начинали заговаривать. Полное отсутствіе лабораторій, нигдѣ ни одного научнаго прибора. Профессоръ Гёксли мнѣ говорилъ, что одинъ изъ университетскихъ сановниковъ, весьма почтенный ученый, написавшій не одну хорошую книгу по физикѣ, никогда во всю свою жизнь не видалъ призмы. Даже въ университетахъ преподаваніе производилось по колледжамъ, въ каждомъ особо, въ помѣщеніяхъ на манеръ классныхъ комнатъ: такой способъ учить «при закрытыхъ дверяхъ» скрывалъ скудость учебнаго курса. Научныя лекціи съ высоты кафедръ не находили слушателей. Въ 1850 году въ Оксфордѣ не читалось ни одного публичнаго курса. Только богачи могли воспитывать своихъ сыновей въ публичныхъ школахъ и въ университетахъ: просто зажиточнымъ семьямъ это было уже не по карману. Онѣ довольствовались благотворительными грамматическими школами (*grammar schools*) или частными школами. Частную школу могъ открыть всякій, кто разсчитывалъ залучить къ себѣ достаточное число учениковъ. Отъ директоровъ этихъ школъ не требовалось никакихъ удостовѣреній, никакихъ свидѣтельствъ объ ихъ познаніяхъ и нравственности. Образо-

ваніе, которое онѣ давали, сводилось къ нулю, но ихъ программы были составлены пышно и многіе ловились на это. Что касается внутреннихъ распорядковъ, то зачастую это былъ тотъ самый адъ, который очертилъ намъ Диккенсъ такими незабвенными штрихами. Еще страннѣе было отсутствіе всякаго спеціальнаго и техническаго образованія въ этой странѣ практическихъ тенденцій и высокаго развитія мануфактуры. Профессіональныхъ, правильно организованныхъ школъ совсѣмъ не существовало; не было ни коммерческихъ, ни промышленныхъ училищъ, ни школъ рисованія и черченія. Jermyn St. по горному дѣлу. Cirencester по земледѣлію были почти единственными заведеніями этого рода на цѣлое королевство.

Для поверхностнаго наблюдателя эта картина въ главныхъ чертахъ остается, пожалуй, все тою-же. Но Максъ Леклеркъ сумѣлъ различить, что подъ этой кажущейся неподвижностью непрерывно и неуклонно происходитъ движеніе впередъ. Въ прогрессивномъ направленіи было сдѣлано много, и очень крупныхъ попытокъ, но онѣ дѣлались безъ всякой послѣдовательности и связи, и эта-то безсвязность мѣшаетъ видѣть ихъ настоящіе размѣры. Всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ-же духомъ, но не вытекаютъ изъ одного общаго плана: систематическій общій планъ можетъ исходить только отъ государства, а въ Англіи государство держится въ сторонѣ, если-же и заявляетъ о себѣ, то лишь осторожными мѣропріятіями. Поэтому совершившаяся перемѣна въ дѣйствительности гораздо обширнѣе и глубже, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. По свидѣтельству Макса Леклерка, въ огромномъ множествѣ школъ, которыя онъ посѣтилъ, программы вообще расширились: въ нихъ введены предметы, представляющіе болѣе современный интересъ; хотя классики и удержали за собою первенство, но уже не наполняютъ собой всего курса. Такая-же перемѣна, только еще болѣе замѣтная, совершилась и въ университетахъ. Публичные курсы увеличились въ числѣ и охватили большее количество предметовъ; они существуютъ уже не только на бумагѣ, а представляютъ цѣлую научную энциклопедію. Сдѣлавшись очагами наукъ, университеты стремятся разливать вокругъ свѣтъ науки. Они желаютъ стать воспитателями всей страны и всѣхъ классовъ общества. Въ этомъ сказывается тотъ твердый практическій духъ, то вѣрное политическое чутье, которые составляютъ отличительную черту англичанъ. У нихъ наука не имѣетъ поползновенія замкнуться въ своемъ величіи и съ презрѣніемъ смотрѣть на весь міръ. Стать популяризаторомъ—вотъ первое побужденіе какого нибудь Гёксли

или Тиндаля. Максъ Леклеркъ уже выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Соціальная роль университетовъ», превосходную статью, которая вошла въ настоящую книгу, какъ часть цѣлаго. Сознаюсь, что мѣстные экзамены (*local examinations*), съ помощью которыхъ Оксфордскій, Кембриджскій и Лондонскій университеты получаютъ возможность регулировать программы обученія во всѣхъ присоединенныхъ къ нимъ учебныхъ заведеніяхъ, производятъ на меня какое-то смѣшанное впечатлѣніе. Я какъ будто вижу, какъ всю Англію охватываетъ эпидемія экзаменовъ, горячка дипломовъ, и я далеко не увѣренъ, что не предпочелъ-бы этому всѣ казни египетскія.

Самая любопытная часть книги, которой больше всего ожидали, — это та, гдѣ говорится объ участіи государства въ дѣлѣ воспитанія и образованія.

Въ Англіи государство дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ тремя способами: какъ законодатель — путемъ регламентаціи; какъ правительство—путемъ инспекціи; какъ общественный казначей — путемъ раздачи субсидій.

Дѣятельность, которую оно уже проявило въ этихъ трехъ формахъ, очень обширна. Она охватываетъ собою: элементарное образованіе, въ которое были послѣдовательно проведены три главныхъ принципа: свѣтскій характеръ школъ, обязательность и безплатность обученія; техническое образованіе, занявшее мѣсто въ ряду общественныхъ функцій съ обнародованіемъ закона 1889 года; высшее образованіе, освобожденное отъ связи съ религіозными исповѣданіями, закрывавшими доступъ къ нему. Южно-Кенсингтонскій департаментъ наукъ и искусствъ (*Science and Art Department*) далъ сильный толчекъ развитію науки и промышленнаго искусства, отозвавшійся во всемъ королевствѣ. Только среднее образованіе осталось, нѣкоторымъ образомъ, внѣ прямого воздѣйствія государства. Оно не было преобразовано законодательствомъ; государство не создало и не приняло на свой счетъ содержанія учебныхъ заведеній этой категоріи, достойныхъ служить образцомъ, а только озаботилось болѣе правильнымъ и разумнымъ употребленіемъ тѣхъ средствъ, которыми плохо распоряжались благотворительныя школы.

Максъ Леклеркъ замѣчательно вѣрно отмѣтилъ и комментировалъ причины, цѣль, направленіе и процессъ такихъ оффиціальныхъ вмѣшательствъ. Обыкновенно они являются не послѣдствіемъ какого-нибудь теоретическаго построенія лучшаго, которое было-бы желательно осу-

ществить, а вытекаютъ изъ грубой очевидности фактовъ, указывающей на неудовлетворительность существующаго.

Департаментъ наукъ и искусствъ былъ порожденіемъ выставки 1851 года; законъ 1889 года о техническомъ образованіи—послѣдствіемъ выставки 1878 года. Говоря объ этомъ законѣ, Максъ Леклеркъ очень хорошо характеризуетъ роль государства въ Англіи. Тамъ государство ждетъ, чтобы частныя лица или какое-нибудь свободное общество взволновало общественное мнѣніе, дало ему направленіе и обратилось-бы за поддержкой къ правительству; тогда правительство, не обязывая ни къ чему мѣстныя учрежденія, предоставляетъ имъ полную *свободу дѣйствовать*, довольствуясь само ролью инспектора и совѣтчика, помогающаго дѣлу своими поддержками и наградами. И опять-таки все тоже свободное общество, продолжая свое дѣло, само обращается къ этимъ мѣстнымъ учрежденіямъ, пробуждаетъ ихъ энергію и заставляетъ ихъ дѣйствовать.—однимъ словомъ, добивается того, что законъ не остается мертвой буквой.

Во второй книгѣ *) Максъ Леклеркъ касается важнаго вопроса о профессіяхъ. Здѣсь мы увидимъ, какъ слагается уже въ самой профессіи та изумительная *личность*, которую школа, въ сущности, не способна создать. Она слагается путемъ практической выучки подъ руководствомъ ветерановъ данной профессіи. Я особенно рекомендую читателямъ ту часть изслѣдованія, которая посвящена инженерамъ и врачамъ. Знаменателенъ тотъ фактъ, что промышленники предпочитаютъ такихъ директоровъ—техниковъ, которые начинали свою карьеру не съ многолѣтняго пребыванія въ школѣ, а пріобрѣтали знанія и опытность одновременно, работая въ мастерской. Изъ главы, посвященной общественнымъ должностямъ, мы узнаемъ, что назначеніе должностныхъ лицъ по протекціи повсюду уступаетъ мѣсто конкурсу. Но главныя конкурсныя испытанія въ Англіи имѣютъ съ нашими развѣ лишь внѣшнее сходство. И самая ихъ организація и программы продиктованы тамъ совершенно другимъ духомъ, и мы только выиграли-бы, если бы проникались имъ.

Послѣ цѣлой серіи монографій объ отдѣльныхъ профессіяхъ. составляющей одну изъ самыхъ оригинальныхъ частей книги, Леклеркъ слѣдитъ за всей этой фалангой энергичныхъ людей на томъ обширномъ полѣ дѣятельности, которое открываютъ для нихъ владѣнія Британскаго королевства. Онъ показываетъ ихъ намъ за работой, поддержи-

*) «Профессіи и общество въ Англіи».